

Территориальные идентичности: концептуальные интерпретации в современной зарубежной социологической мысли

Аннотация

*В представленной статье приводится критическое обозрение наиболее значи-
мых концептуальных подходов, применяемых при изучении проблемы терри-
ториальных идентичностей в современной западной социологической мысли.
Анализируется существующий понятийный аппарат, соотношение между
основными терминами (пространство, место, территория). Рассматривая
основные положения двух ключевых теорий идентичности – социологической и
социально-психологической, автор предпринимает попытку выявить эври-
стические возможности, присутствующие в этих концепциях, но пока слабо ан-
гажированные социологическим сообществом. Анализируются с точки зрения
преимуществ и недостатков некоторые специфические концепции, выдвину-
тые зарубежными учеными с целью осмысления феномена взаимодействия че-
ловека и ее географического и социокультурного пространства (теория геогра-
фической идентичности, воображенная природа территориальной общности
и т.п.). В рамках двух парадигмальных подходов – субстанционального и ко-
нструктивистского – выделяются характеристики, имеющие значительный
познавательный потенциал, и на этом основании автор переходит к попытке
теоретического синтеза.*

Ключевые слова: пространство, место, территория, территориальные
идентичности, региональная идентичность, теория географической идентич-
ности, воображенная общность.

Введение

Радикальные социальные изменения, происходящие в Украине в конце
XX — начале XXI веков, привели к глубокому кризису в сфере конструиру-

вания и поддержания социальных идентичностей. Фундаментальные преобразования в первую очередь охватили сферу политико-государственных и национально-этнических отношений. Появление новых государственно-политических образований повлекло за собой процесс пересмотра системы категоризации социального мира и места в нем индивидов и социальных групп. Наряду с дискурсом индивидуализации, в рамках которого жизнь индивидов рассматривается преимущественно сквозь призму индивидуальных идентичностей, возникает и распространяется иное видение современных процессов. Осознание людьми своей вовлеченности в быстрые и радикальные изменения глобального характера вызывает у них потребность в воспроизводстве прежних и построении новых социально-символических границ на основе ощущения принадлежности. В условиях разнообразных вызовов, характерных для последнего десятилетия, одной из важнейших форм социальной адаптации к новым общественно-политическим реалиям стало формирование и усиление территориальных — локальной и региональной — идентичностей на отдельных территориях, отличающихся устойчивой историко-культурной, экономической и социальной спецификой.

Для многих стран Центральной и Восточной Европы характерно наличие значительных региональных различий, обусловленных природно-географическими, экономическими, историческими и социально-культурными факторами. Особенности освоения и развития отдельных территорий на протяжении долгого времени обусловили возникновение здесь особых по смыслу и структуре моделей идентичности. Нередко на пограничных территориях наблюдались интенсивная миграция, смешение разных народов и становление прочных территориальных идентичностей, которые оттесняли на задний план идентичности национальные. В процессе усиления локальных и региональных составляющих самоотождествления национальный компонент становился малозаметным, а то и вообще нерелевантным в жизненном мире местных жителей. Не исключение в этом плане и современная Украина, объединяющая неоднородные в культурно-национальном, экономическом, ценностно-мировоззренческом аспектах регионы. Такая разнородность дала повод для искусственного раздувания проблемы сосуществования разных территориальных общностей, что позволяло нечистоплотным политикам получать сомнительные электоральные дивиденды, усиливая разрушительные тенденции к региональному эгоизму, нетолерантности и дезинтеграции общества.

Проблема территориальных идентичностей, несмотря на ее чрезвычайную политическую актуальность, остается на начальном уровне научного осмысления. Отечественные социологи уделяют повышенное внимание таким разновидностям социальной идентичности, как национальная и этническая, забывая при этом другие не менее важные для понимания повседневного опыта людей, их адаптации к современному миру.

Анализируя эту проблему, буду опираться на следующую дефиницию: *территориальная идентичность* (ТИ) — это восприятие индивидом себя как представителя определенной “воображенной общности” (по Б.Андерсону), основывающейся на единстве территории проживания, истории и традиций, социокультурного опыта, ценностных ориентаций и образа жизни. Важен вопрос масштаба или границ той территории, с которой индивид себя отождествляет. Предложенный термин ТИ можно рассматривать как обобщающее понятие с наиболее широким и наименее определенным объектом соот-

несения. ТИ может касаться объектов разного масштаба и содержания, таких как местожительство, микрорайон, район, локальная община, территориальная община, поселок, город, регион, страна, субконтинент или континент в целом и даже земной шар. Не случайно в зарубежной литературе используют разнообразные определения, близкие или тождественные по смыслу с термином ТИ: идентичность с местом (place-identity), локальная идентичность (local identity), региональная идентичность (regional identity), идентичность со средой (environmental identity), городская идентичность ('city' identity, urban-related identity, social urban identity), идентичность с местом проживания (settlement identity). Использование термина ТИ позволяет охватить широкий круг концептуальных взглядов на проблему отождествления людьми себя с разнообразными территориально определенными общностями.

В предлагаемой статье дается критический обзор наиболее значимых концептуальных подходов, применяемых при изучении проблемы территориальных идентичностей в современной западной социологической мысли. Во-первых, кратко проанализирован имеющийся понятийный аппарат, соотношение между главными терминами, такими как “пространство”, “место”, “территория”. Во-вторых, на основании рассмотрения основных положений двух ключевых теорий идентичности — социологической и социально-психологической — сделана попытка выявить эвристические возможности, содержащиеся в этих концепциях, но пока слабо ангажированные научным сообществом. В будущем они могут быть с успехом использованы для исследования затронутой проблемы. В-третьих, с точки зрения преимуществ и недостатков рассмотрены некоторые специфические концепции, выдвигаемые зарубежными учеными с целью осмысления феномена взаимодействия человека с его географическим и социокультурным пространством. Речь идет о теории географической идентичности, о воображенной природе территориальной общности и т.п. Наконец, в рамках актуальных ныне в социологической науке двух парадигмальных подходов к изучению идентичности — субстанционального и конструктивистского — выделены характеристики, имеющие существенный познавательный потенциал, и на этой основе предпринята попытка теоретического синтеза.

Пространство, место, территория как основания социальной идентичности

В социальной теории анализ места, территории прошел путь от “физического или географического детерминизма”, когда окружающую среду рассматривают как ключевой фактор функционирования социума, до подходов, при которых отношения между человеком и территорией имеют динамичный и интерактивный характер, а место приобретает социальное, психологическое и культурное значение. Место играет существенную роль в формировании идентичности, поскольку этот процесс имеет как внутреннее измерение, поскольку происходит в сознании индивида, так и внешнее, поскольку проявляется в системе интеракций человека с окружающим миром.

Между индивидом и местом его локализации — проживания, работы, отдыха, общения и т.п. — существует крайне важная и слабо изученная связь. Не подлежит сомнению, что не только человек оказывает непосредственное влияние на свое физическое окружение путем его активного преобразования, но и физическая среда накладывает отпечаток на мировоспри-

ятие и поведение человека. В большинстве теоретических и эмпирических исследований, как отечественных, так и зарубежных, отсутствует анализ влияния физической среды на процессы становления идентичности. Вместе с тем в некоторых, очень редких случаях авторы, пытаясь интегрировать такие понятия, как “пространство”, “место”, “территория”, в концепции идентичности, демонстрируют возможность расширения классической теории социальной идентичности благодаря включению разнообразных аспектов концепта “место” [Twigger-Ross, Bonaiuto, Breakwell, 2003].

Место, территория, пространство относятся к тем повседневным измерениям человеческого существования, которые часто наполнены самоочевидным смыслом, не проблематизируются и не подвергаются сомнению. Вместе с тем они имеют огромное значение для существования человека, обеспечивая стабильность и предсказуемость его жизни. Среди множества теоретических направлений современной социологии особое внимание к миру повседневной жизни проявляют представители феноменологической школы, начиная с Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, М.Мерло-Понти — великих философов, основоположников этого направления — заканчивая А.Шюцем, который собственно и создал социологическую феноменологию.

Именно феноменология придала особое звучание проблематике места, пространства, территории, а также дома, места жительства и пребывания человека. Итак, достижения феноменологической парадигмы могут оказаться релевантными в анализе территориальных — локальных и региональных — идентичностей. Несмотря на принадлежность к единой теоретической школе, разные феноменологи выработали различные концептуализации места и пространства. Место и дом привлекали внимание феноменологов благодаря центральной роли, которую они играют в субъективном опыте человека, его повседневном мире. В прикладном теоретизировании Шюц размышляет о роли дома в создании природных установок человека, в упорядочении его жизненного мира. Эта линия рассуждений нашла свое отражение даже в архитектурной теории, где особое ударение сделано на существовании особого “духа места”, или *genius loci*.

Место можно определить как социальную категорию, а не просто физическое пространство. Место всегда ассоциируется с определенными социальными группами, стилем жизни, социальным статусом, моделями поведения и общения. В многочисленных работах выдающегося китайского географа И-Фу Туана проанализировано то, что люди думают о месте и пространстве и как ощущают их, как у них формируется ощущение привязанности к дому, району, городу и стране в целом. Туан уделяет большое внимание выяснению того, каким образом чувства и эмоции, касающиеся пространства и места, изменяются под влиянием ощущения времени. Мыслитель предлагает различать понятия места и пространства: место — это безопасность, а пространство — свобода. Мы привязаны к первому и стремимся ко второму [Tuan, 1974: р. 3]. Это базовые компоненты нашего жизненного мира, которые воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Однако попытки порассуждать о них, задуматься над их внутренней сутью ведут к неожиданным открытиям. Пространство — более абстрактное понятие, чем место. То, что сначала воспринимают как пространство, постепенно приобретает черты места, по мере того, как человек начинает осваивать его, знакомиться ближе, наделять его определенной ценностью. Места являются собственно местами, а не просто географическим пространством, именно потому, что имеют идентичность.

Территориальные идентичности создаются комплексом чувств, значений, опыта, воспоминаний и действий, которые, будучи индивидуальными, существенно трансформируются социальными структурами и проявляются в процессе социализации [Hague, 2004: p. 7]. Пространство и место связаны с разным ощущением времени: если первое ассоциируется с движением, то второе — с паузой, остановкой [Tuani, 1974: p. 6]. Ключевым аналитическим понятием, которое использует Туан, является опыт. Это всеобъемлющий термин, охватывающий все модели познания и конструирования реальности.

Позитивные эмоциональные связи с местом Туан называет топофилией [Tuani, 1974; Tuani, 1977]. Важное методологическое значение имеет дифференциация между ощущением места (*sense of place*) и укорененностью (*rootedness*). Первое означает осознание позитивных чувств к определенному месту, а второе — ощущение “быть как дома”. Эти понятия перекликаются с другим, ставшим в последние годы более привычным и нормативным среди исследователей территориальных явлений, а именно: привязанность к месту (*attachment to place*). Оно означает аффективную связь (эмоции, чувства, настроения и т.п.), которую индивид ощущает по-разному, с разной силой, в разных формах и с разной степенью осознания в отношении тех мест, где он родился, живет и действует [Guiliani, 2003: p. 137]. С теми или иными местами ассоциируются и те или иные сообщества, посредством которых определяются места и которые, в свою очередь, определяются через их принадлежность к этим местам. Эти территории и связанные с ними человеческие объединения характеризуются разными масштабами и уровнями институционализации — жилье, дом (семья, родные, друзья), рабочее место (коллеги), окружение (соседи), город, регион, страна и т.п. Все они играют весьма существенную позитивную роль в определении того, кто мы есть, в нашей самоидентификации, в придании смысла нашей жизни, наполнении ее ценностями, значением, целями. Однако привязанность к определенным местам может приводить и к пагубным последствиям, порождая вражду, ненависть, агрессию, как это происходит в случае этнических конфликтов.

Другой ученый в области культурной географии, британка Дорин Месси рассматривает понятие места и пространства с позиций феминистической критики [Massey, 1994]. Выступая против попыток романтизации места, она не склонна усматривать в нем нечто единое, недвижимое, укорененное в статичном пространстве. Существенное различие между местом и пространством заключается в том, что пространство можно рассматривать как статичное, вневременное измерение, тогда как место неразрывно связано с течением времени. Согласно предлагаемой Месси перспективе, место конструируется не путем установления рамок, границ, а благодаря выявлению взаимосвязей с находящимся извне. А значит, место имеет открытую, релятивную и множественную природу, которая постоянно подвергается контестации. Место представляет собой укорененную социальную практику как систему социальных отношений. Поэтому место — это живая субстанция, создаваемая из бесчисленной совокупности социальных взаимодействий. Подобные взаимодействия происходят при определенных обстоятельствах и в рамках территориально обусловленных образцов. Можно утверждать, что они созданы местом и сами, в свою очередь, обуславливают специфику места. Таким образом, жители определенного места находятся в длительном и культурно и структурно детерминированном контакте, который способен порождать чрезвычайно важные и устойчивые последствия. Приме-

няя концепцию места, представленную Месси, мы выходим на механизмы формирования локальных, присущих определенному месту идентичностей.

Осуществляя преимущественно политико-экономический анализ процессов развития, происходящих на региональном уровне, Месси указывает на ограничения “политики локальности” и необходимость осмысления более широких, глобальных связей и социальных отношений, связанных с местной уникальностью и локальной идентичностью. Однако она отвергает идею о том, что новые информационные технологии и трансформация финансово-экономических отношений в направлении глобализации радикально изменили суть таких понятий, как “место” и “дом”.

Данная линия рассуждения существенно отличается от утверждений теоретиков информационного общества, которые акцентируют общественные изменения, вызванные радикальной трансформацией информационно-коммуникационной сферы.

Территориальная идентичность сквозь призму двух теорий идентичности

В современной социально-психологической и социологической литературе существует несколько теорий, объясняющих феномен идентичности. Две, наиболее известные и обоснованные — как в концептуальном, так и в эмпирическом плане — могут быть применены для объяснения процессов взаимодействия и взаимовлияния между личностью и местом. Одна из них — теория социальной идентичности — возникла и получила распространение в основном среди социальных психологов, тогда как другая — теория идентичности — находит сторонников в кругах социологов. Кратко остановимся на главных положениях каждой из них, подчеркивая те концептуально важные постулаты, которые могут послужить отправными точками для изучения феномена территориальной идентичности.

Начнем с теории идентичности — одной из наиболее влиятельных в современной социологии, обоснование которой связано с классическими концептуализациями символического интеракционизма. Истоки теории можно обнаружить в работах американских классиков Чарльза Кули, Джорджа Мида и Герберга Блумера. Современные теоретики, последователи интеракционизма Питер Бурке, Ральф Тернер, Джордж МакКол, Джерри Сименс, Шелдон Страйкер и др. рассматривают индивидуальную идентичность как продукт тех ролей, которые человек выполняет в обществе. “Я” они трактуют как неоднородную и динамичную сущность, дифференцирующуюся в результате разносторонних социальных влияний. Эта теория анализирует механизмы формирования идентичности на микросоциальном уровне, связывая ее с процессами взаимодействия, принятия, индивидуального понимания и выполнения социальных ролей, с отношением к тем или иным ролевым репертуарам.

Сначала теория идентичности была сформулирована Страйкером [Stryker, 2002]. В последнее время она получила дальнейшее развитие и более широкую аналитическую перспективу в трудах его сторонников. В ее рамках можно выделить разные по смыслу ответвления, одни из которых теснее, другие слабее связаны с изначальным символическим интеракционизмом.

В теории идентичности остается неприкосновенной идея о формировании “Я” или самости в процессе социального взаимодействия, благодаря ко-

торому люди познают себя, наблюдая за реакциями других. Ключевым социально-психологическим механизмом становления самости выступает принятие роли другого. Согласно широко известному выражению предтечи интеракционизма Уильяма Джеймса человек имеет столько отдельных “я”, сколько существует социальных групп, мнением которых он дорожит.

В теории Страйкера вариации идентичностей связаны с разнообразием социальных ролей, выполняемых индивидом. По сути, речь идет о том, что “Я” представляет собой совокупность отдельных ролевых идентичностей, каждая из которых, в свою очередь, соответствует ролевой позиции в обществе.

В нашем контексте следует вспомнить классическое различие, которое выдвигает Мид в работе “Дух, самость и общество”, размышляя над двумя неотъемлемыми сторонами самости — индивидуальным, спонтанным “Я” (в английском оригинале *I*) и социальным, обобщенным “я” (*me*). По словам самого классика интеракционизма, “Я” есть реакция организма на установки других; “я” есть организованное множество установок других, которые индивид сам принимает” [Мид, 2000: с. 159].

То есть очевидно, что в рамках теории идентичности речь идет о тех социально обусловленных и отрефлексированных индивидом разнообразных “я”, которые предстают в виде ролевых идентичностей. Последние являются теми самоопределениями, которые люди приписывают себе в результате осознания своих позиций в общественном пространстве, которые тоже связаны с выполнением тех или иных ролей. Роли имеют рефлексивный характер, поскольку приобретают значение для индивида в процессе взаимодействия и через взаимодействие. Реакции других на индивида возникают прежде всего в связи с выполнением той или иной роли. Именно эти реакции, по мнению сторонников теории, формируют базис для самоопределения. Таким образом, роли служат тем фундаментом, на котором возводится здание идентичности. Вместе с тем роли — это тот мостик, который связывает индивидов с социальной структурой.

Одним из ключевых понятий теории является *выпуклость* идентичности. Авторы отмечают, что разные идентичности имеют разные аффективные и поведенческие последствия благодаря тому, что приобретают неодинаковое субъективное значение для индивида. А значит, структура идентичностей имеет иерархический характер. Наиболее значимые, или *выпуклые* идентичности, находятся на вершине и оказывают наибольшее влияние на самоопределение и поведение, поскольку легче актуализируются в большем количестве общественных ситуаций.

Несмотря на многочисленные и язвительные обвинения, теория идентичности пытается выйти за узкие рамки межличностного взаимодействия и обнаружить взаимосвязи между индивидуальным поведением и социальной структурой. Эти теоретические амбиции более всего свойственны работам Шелдона Страйкера [Stryker, 2002]. Позаимствовав идеи символического интеракционизма, касающиеся общественной обусловленности индивидуального “Я” и реципрокного характера этого взаимодействия, сторонники теории идентичности рассматривают общество не как относительно недифференцированное и нацеленное на операцию целое, а как внутренне гетерогенное, сложное и одновременно организованное.

Один из наиболее влиятельных теоретиков этого направления Питер Бурке разработал инструментарий для измерения ролевой идентичности, ба-

зирующий на постулате об обусловленности структуры личности набором разнообразных ролей, носителем которых является (или претендует на это) индивид [Burke, 1980; Burke, 1977]. Однако его техника существенно отличается от популярного теста двадцати самоопределений тем, что сфокусирована на измерении только одной роли и ее влияния на самоопределение.

Иной концептуальный подход, воплощенный в теории социальной идентичности, направлен на объяснение процессов межгруппового взаимодействия, уходящих корнями в когнитивные механизмы формирования коллективной идентичности. Последняя всегда базируется на чувстве принадлежности к определенной группе (или группам) и объединяет в себе два фундаментальных процесса: самокатегоризацию и сравнение. Первая предполагает рассмотрение своей идентичности сквозь призму соотношения с определенной группой или категорией (нация, класс, гендер или территориальная общность). Благодаря категоризации мы, условно говоря, делим людей на тех, кто принадлежит к нашей, внутренней группе, и тех, кто представляет группы, внешние по отношению к нам.

Социальное сравнение придает этому делению оценочный смысл. Мы сравниваем свойства типичных представителей нашей группы с членами групп за ее пределами. Сравнение происходит не произвольно, а в соответствии с определенной социальной установкой: достичь максимально позитивного самоимиджа. Для этого сравнение проводится по тем критериям, которые делают возможным достижение желаемого сдвига в оценках в свою пользу. В контексте территориальной идентичности для поддержки позитивной самооценки человек может отдавать предпочтение тем местам, которые содержат в себе символические значения, повышающие его самоуважение, и избегать тех, которые приводят к появлению отрицательных самооценок. Могут применяться и другие стратегии, например, преувеличение преимуществ собственной местности или свойств, которые с ней ассоциируются, и умаление преимуществ противопоставляемого ей места, искусственная и целенаправленная его девальвация.

Теория географической идентичности

Особое место среди концептуальных разработок западных ученых, посвященных связям идентичности с территорией, занимает теория местной идентичности (place identity). Учитывая неполную адекватность прямого русского перевода англоязычного термина, предлагаю использовать как взаимозаменяемое понятие географической идентичности. Термин “place-identity” был введен в научный оборот в конце 70-х годов XX века американским социальным психологом Гарольдом Прошанским [Proshansky, 1978; Proshansky, Fabian, 1987; Proshansky, Fabian, Kaminoff, 1983]. Пространственную идентичность он определяет как инкорпорацию индивидом места, территории в более широкую концепцию “Я”, как попури воспоминаний, концепций, интерпретаций, идей и соответствующих чувств по отношению к определенным физическим местам и типам мест [Proshansky, Fabian, Kaminoff, 1983: р. 60]. Места, с которыми связано формирование и развитие ТИ, состоят из дома, школы, микрорайона. То есть исследовательский фокус направлен на изучение непосредственного окружения индивида, в котором происходит львиная доля межличностных взаимодействий. Такая микросоциальная сфокусированность не случайна, поскольку автор говорит прежде всего об

изучении того, как приобретаетсЯ ТИ в процессе социализации. Исследователи рассматривают формирование ТИ с детства параллельно и аналогично со становлением индивидуальной идентичности в целом. С самого начала дети учатся отделять себя как от других людей, так и от окружающей среды.

Прошанский рассматривал место как часть индивидуальной идентичности, как определенную субидентичность, по аналогии с классом или гендером. Он видел разные самоидентичности, связанные с теми или иными социальными ролями, как часть целостной территориальной идентичности каждого индивида. Теория процессов идентичности Брейквелл рассматривает место как часть множества разнообразных категорий идентичности, поскольку места несут в себе символы класса, гендера, происхождения и других статусных характеристик [Breakwell, 1986]. Модель Брейквелл постулирует наличие четырех принципов идентичности: 1) самоуважение (позитивная оценка себя или своей группы), 2) самоэффективность (способность человека эффективно функционировать в определенной социальной ситуации, контролировать внешнюю среду), 3) своеобразие (*distinctiveness*) (ощущение собственной уникальности по сравнению с представителями других групп или общностей), 4) непрерывность, целостность, преемственность (*continuity*) (потребность в стабильности во времени и пространстве). Таким образом, данная теория предполагает, что разработка специальной теории, которая бы объясняла влияние территории на идентичность, — занятие лишнее и ненужное. Последователи теории Брейквелл в последние годы проводили исследования с целью изучения территориальных аспектов идентичности. Так, Спеллер с коллегами изучали изменения в пространственной организации и то, как они повлияли на идентичность жителей местной общины, находящейся в процессе социальных изменений [Speller, Lyons, Twigger-Ross, 2002].

Брейквелл и ее последователи акцентируют внимание на важной роли места как источника идентификации. Аспекты идентичности, основанные на территориальной принадлежности индивидов, возникают не просто благодаря физическим особенностям той или иной территории, а в силу того, что с каждым местом ассоциируются определенные значения и символы. Места репрезентуют социальную память, формируемую в процессе межгруппового взаимодействия.

Интересный пример валидации теории Брейквелл представляет исследование португальских ученых Фатимы Бернардо и Хосе Мануэля Палмы, посвященное выявлению последствий принудительного переселения жителей одного из микрорайонов Лиссабона [Bernardo, Palma, 2005]. Процессы переселения дают возможность проследить, как и почему место жительства становится ключевым идентитетом, выходит на первый план, становится “выпуклой” категорией, как изменения в социально-территориальном окружении приводят к изменениям в структуре идентичности. Это исследование, как и несколько предыдущих, выявило негативную корреляцию между привязанностью к месту жительства и уровнем адаптации к новой территории. Переселение несет серьезную угрозу принципам идентичности как тех жителей, которые решили остаться в новом месте (группа 1), так и тех, кто выбрал возвращение в прежний район после построения там новых домов (группа 2). Однако влияние процесса переселения на идентичность у этих двух групп различалось. Первые прибегали к стратегии переформулирования собственной идентичности согласно новым условиям существования,

демонстрируя большую привязанность и удовлетворенность от нового места, более интенсивное взаимодействие с новыми соседями. Вторая группа, напротив, сохраняла привязанность к своему предыдущему местожительству и старым соседям, минимизируя свою интеракцию с новыми резидентами. После возвращения в прежний район они демонстрировали сильную идентичность с местом и сообществом. Две группы отличались также стратегиями преодоления угроз идентичности: первая использовала пассивность и избегание, а вторая — конфронтацию [Bernardo, Palma, 2005: p. 85].

Проблема пространственной идентичности получила весьма широкий резонанс и распространение в различных общественных дисциплинах — от психологии до архитектуры. Заинтересованность специалистов разных направлений обусловила появление исследований с непривычным, нетривиальным фокусом анализа, например, способов украшения домов и рабочих мест как средства коммуникации и самопрезентации [Nasar, 1989]; дома, жилья, места жительства как источника самокатегоризации, привязанности к месту [Altman, Low, 1992]. Норвежский исследователь Ашильд Хейге рассматривает влияние места на идентичность в рамках голлистской и реципрокной модели взаимодействия между людьми и их физическим окружением: люди влияют на места, и места влияют на то, как люди видят самих себя [Hauge, 2007: p. 44].

Территориальная идентичность включает *привязанность* к определенной территории, но этим не ограничивается. Привязанность — это только одна из подструктур ТИ, которую нельзя рассматривать как одну из разновидностей социальной идентичности наряду с наиболее влиятельными, “классическими” ее формами — полом, национальностью (расой) и классом. ТИ стоит в стороне на фоне последних, пронизывающих практически все ситуации социального взаимодействия, опосредующих модели всех коммуникаций, влияющих на все образцы самопрезентаций. В этом смысле они всеобъемлющи, поскольку всегда незримо присутствуют с нами в процессе нашей вовлеченности в публичное пространство.

Территориальная идентичность — это скорее одна из возможных форм манифестации социальной идентичности, часть других идентификационных категорий. Место нельзя рассматривать только как одну из многих социальных категорий. Вместе с тем место — не только контекст или фон, на котором происходит формирование и актуализация различных идентичностей, это скорее неотъемлемая, интегральная часть социальной идентичности. Например, различные архитектурные формы могут способствовать тем или иным моделям интеракции, порождать разные, порой прямо противоположные социальные чувства, способствовать взаимодействию или тормозить его, делать более выразительной или нивелировать социальную дистанцию, акцентировать социальное неравенство или, наоборот, равноправие. То есть место может играть абсолютно разную роль в зависимости от стимулирования той или иной индивидуальной и социальной идентичности.

Территориальная община как воображенная общность

Территориальную идентичность можно рассматривать также в рамках концептуального подхода, уходящего своими корнями в классический труд выдающегося американского ученого Бенедикта Андерсона “Воображенные общности” [Андерсон, 2001]. Хотя книга посвящена в основном анали-

зу макросоциальных предпосылок формирования национализма во времена раннего модерна, концепция “воображенных общностей” получила широкое научное признание, и ее часто используют для изучения различных по смыслу, но схожих по своей сути форм общественного бытия.

Все свое внимание исследователя Андерсон фокусирует на нации, определяя ее как “воображенную политическую общность — причем воображенную как генетически ограниченную и суверенную. [...] Она воображенная потому, что представители даже самой малой нации никогда не будут знать большинства своих соотечественников, не будут встречать и даже не будут слышать ничего о них, и все же в воображении каждого будет жить образ их причастности” [Андерсон, 2001: с. 22]. Переходя на более высокий уровень обобщения, исследователь подчеркивает, что “любая общность, большая, чем первобытное поселение с непосредственными контактами между жителями (хотя, возможно, и она), является воображенной. Общности нужно различать не по их реальности или нереальности, а по манере воображения” [Андерсон, 2001: с. 23].

Понятие воображенной общности получило распространение в современной науке и часто используется в концептуализациях, анализирующих процессы структуризации общества. Конструирование и распад воображенных общностей трактуют как ключевой процесс появления и воспроизводства современного и постмодерного обществ. Воображенные общности представляются основанными на общности религии, места жительства (территории), гендера, политики, цивилизации, науки. Однако изучение многих проявлений воображенной общности остается на начальном уровне.

Территориальным идентичностям уделяют значительное внимание в контексте построения и реализации стратегий местного развития. Выступая неотъемлемой частью социокультурного пространства, местная идентичность может быть как стимулирующим, так и сдерживающим фактором экономического и социального развития. Так, проблема ГИ становится частью более широкого аналитического контекста, связанного с выявлением взаимосвязей между культурой и экономикой. В этом контексте речь идет о региональной культуре, понимаемой как принятые в определенном региональном сообществе ценности, верования и общественные традиции региона. Культура рассматривается как активная сила социального воспроизводства, как процесс взаимодействия различных социальных акторов и как продукт дискурсов, в которых люди манифестируют свой социальный опыт самим себе и представителям других общностей. Определенные региональные культуры могут стимулировать процессы социального обучения и инновации, а другие — наоборот сдерживать [Raagmaa, 2002: p. 56].

Территориальная идентичность: субстанциализм vs конструктивизм

Традиционно в теоретической интерпретации феномена социальной идентичности можно выделить два подхода, каждый из которых отличается своеобразным пониманием и объяснением истоков и самой сути этого явления. Хронологически более ранней является субстанциалистская, или эссенциалистская концепция идентичности, согласно которой в самоощущении индивида с той или иной общностью проявляются сущностные

качества, характеристики, свойства этой общности. Иными словами, идентичность как субъективный феномен глубоко укоренена в объективной реальности, выражая действительно имеющиеся различия между общностями. Эссенциализму присущ объективизм, натурализм и эмпиризм как онтологические и гносеологические предпосылки. Приверженцы этого подхода утверждают, что характеристики, обуславливающие восприятие себя как обособленной, специфической общности, как членов мы-общества с набором определенных атрибутов, общих для всех ее членов, укорененных в физиологических и психологических качествах, в особенностях местожительства и в сходстве их жизненной, классовой ситуации, положения в социальной структуре. В этом смысле атрибутивные свойства идентичности являются “естественными”, заданными одинаковыми параметрами общественного опыта, моделью социализации, на основе чего и формируется общая коллективная идентичность. Наиболее ярко субстанциалистская модель представлена в работах, касающихся объяснения процессов формирования и природы национальной идентичности. Долгое время в исследованиях национализма преобладал эссенциализм в виде примордиализма.

В подавляющем большинстве предшествующих количественных исследований процессов самоотождествления с воображенными общностями наблюдалась тенденция трактовать понятие идентичности в ограниченном и упрощенном смысле. В итоге выводы, вытекающие из этих исследований, дают весьма упрощенную картину чрезвычайно сложных процессов и механизмов того, как индивиды ощущают свою принадлежность к тем или иным воображенным общностям. Как показал австралийский исследователь Тим Филлипс [Phillips, 2002], в этих исследованиях идентичность предстает в эссенциалистской, одномерной и неразделяемой интерпретациях. Наиболее ярко эти недостатки проступают в исследованиях национальной идентичности. Во-первых, эссенциализм заключается в попытках представить нацию не только как самый главный идентитет, объект самоотождествления индивида в пространстве, но и как ключевой компонент всей системы категоризации окружающего мира. Парадоксально то, что эссенциалистская трактовка дает о себе знать даже в тех случаях, когда авторы открыто постулируют свою приверженность конструктивизму. Во-вторых, идентичность анализируется в одномерной плоскости, а наличие множества уровней, слоев воображенной общности, которые формируют ощущение собственного “Я”, признают довольно редко. В некоторых исследованиях наблюдается большая научная чувствительность к разнообразным социокультурным источникам и многоуровневому характеру идентичности. Но даже в этих, более обоснованных исследованиях, можно заметить склонность к так называемому нерасчленяемому трактованию идентичности. То есть индивид рассматривают как носителя определенного набора социальных идентичностей, которые не накладываются друг на друга, не пересекаются друг с другом, а только сосуществуют рядом друг с другом. Таким образом, остается нерассмотренным важный вопрос о том, как разные уровни и измерения идентичности взаимодействуют и объединяются в сложные, общественно значимые комбинации, а также как они детерминируют социальное действие.

Однако для многих знатоков проблемы социальная и, в частности, национальная идентичность является результатом целенаправленных усилий или непредсказуемым последствием действий общественных акторов по конструированию жизненного мира, повседневной реальности, в которой

они живут и которую они постоянно преобразуют. Известный израильский исследователь Шмоэль Эйзенштадт подчеркивает, что любая коллективная идентичность является продуктом социального конструирования [Eisenstadt, 1998]. Она не дается естественным путем, а “выступает намеренным или неумышленным последствием интеракций, которые, в свою очередь, социально смоделированы и структурированы”. Все идентичности “символично сконструированы и определены”. Эйзенштадт придает особое значение цивилизационным измерениям идентичности, соотношению между конструированием коллективных идентичностей и моделью связей по линии государство — гражданское общество. По мнению авторитетного ученого, в течение длительного исторического процесса модернизации сформировались различные современные цивилизации, которые имеют определенные общие характеристики, но согласно различной идеологической и институциональной логике, а также имеют непохожие культурные программы модернити. Эти различия возникли в результате очень выборочной инкорпорации тех моделей, которые предлагала западная цивилизация. Эйзенштадт выделяет две стороны процесса конструирования коллективной идентичности, а именно: создание границы и создание базиса для доверия, солидарности и внутреннего равенства [Eisenstadt, 1998: p. 139]. Главные коды конструирования коллективной идентичности составляют примордиальность, цивилизность и трансцендентальность, или святость. Эти коды являются идеальными типами, а реальное кодирование объединяет различные элементы этих идеальных типов.

С утверждением о конструируемом характере любой идентичности соглашается большинство авторитетнейших исследователей этого феномена, в частности Мануэль Кастельс в широко известном труде “Власть идентичности: Информационный век (экономика, общество и культура)” [Castells, 2004]. Однако научная проблема заключается в том, “как, из чего, кем и для чего” совершается такое конструирование. “В конструировании идентичности используется строительный материал истории, географии, биологии, продуктивных и репродуктивных институтов, коллективной памяти и индивидуальных фантазий, аппарата власти и религиозных откровений. Однако индивиды, социальные группы и общества используют все эти материалы и переосмысливают их значение в соответствии с социальными детерминантами и культурными проектами, укорененными в их социальной структуре и пространственно-временном измерении” [Castells, 2004: p. 7].

Автор выделяет три разновидности идентичности в соответствии с моделью их построения: 1) легитимирующая идентичность внедряется господствующими общественными институтами и группами с целью расширения и обоснования их доминирования в противостоянии с другими социальными акторами; 2) резистентная идентичность продуцируется теми социальными акторами, которые находятся в состоянии подчинения или стигматизируются самой логикой доминирования и путем внедрения политики идентичности пытаются подвергнуть сомнению господствующие модели взаимодействия и институции; 3) проективная идентичность базируется на попытках акторов построить новую идентичность, которая бы переопределила их позицию в обществе и изменила саму социальную структуру. Приведенную модель можно успешно использовать для изучения территориальной идентичности [Castells, 2004: p. 7].

Анализируя и критикуя примордиалистско-эссенциалистские и конструктивистские подходы или модернистские и постмодернистские, следует отметить, что они не исключают друг друга. Существует возможность творческого сочетания этих концептуальных взглядов в тех частях, которые подтвердили свою эвристическую силу. Промежуточную теоретическую модель понимания национальной идентичности обосновал выдающийся британский исследователь Энтони Смит.

В этом плане показательна концепция Мишель Ламонт из Принстонского университета, которая изучает роль символических границ в создании идентичностей [Lamont, 2002]. Используя богатые по содержанию данные, полученные в ходе интервью с представителями среднего класса во Франции и США, она специфицирует условия, в которых моральные, символические и культурные границы создают объективные условия социально-экономического неравенства. Ее работа подтверждает, что эти границы имеют относительный характер и зависят от конкретных условий пространства и времени. Важное влияние на создание объективных иерархий оказывают символические барьеры, глубоко укорененные в системе социальных значений, весьма распространенные и разделяемые большинством общества. Сторонники этого подхода обнаруживают как символические, так и структурные барьеры, которые обуславливают процессы общественного воспроизводства и неравенства. Рассмотрение проблем идентичности в русле структурно-символической модели позволяет объединить конструктивизм с проблемами институционализированного неравенства.

Как утверждает Ламонт [Lamont, 2002], идентичность действительно конструируется, но процесс конструирования ограничен теми культурными репертуарами, к которым люди имеют доступ, а также структурным контекстом, в котором они живут. Значительная часть ее работы посвящена изучению процессов приписывания значений, благодаря которым создаются границы между разными группами, отделяется “мы” от “они”. Исследовательница не ограничивается простой констатацией того факта, что идентичность является неустойчивой, изменчивой, множественной, саморефлексивной и проблематичной, что часто звучит в работах Пьера Бурдьё или Зигмунда Баумана. Она переходит с уровня высокоабстрактного, внеэмпирического осмысления явлений к эмпирическому обоснованию своих теоретических утверждений, используя индуктивную логику анализа и осуществляя систематическое накопление фактологической базы. Например, в одной из ключевых своих работ “Достоинство работающих людей” Ламонт сравнивает модели идентификации белых и черных рабочих в США, типичные образцы их самоопределения и возведения символических границ между “своими” и “чужими”, в частности между представителями среднего класса или профессионалами. Этот процесс не является абсолютно открытым и свободным. Его ограничивают культурные ресурсы и условия существования. Скажем, французские рабочие менее склонны, нежели их американские коллеги, определять себя в противопоставлении бедным, отчасти потому, что имеющийся в их распоряжении дискурс социализма, республиканизма и католицизма, а также некоторые особенности французской системы социального обеспечения делают менее вероятным создание символических барьеров между рабочим и низшим классами. Так, эмпирический анализ убедительно демонстрирует, что образцы идентификации могут существенно

отличаться в различных контекстах. А значит, дифференциация социоструктурных контекстов — важный фактор социальной идентификации.

Именно эти контексты часто недооцениваются в социокультурных интерпретациях идентичности, которые, при всей их привлекательности, что совершенно справедливо подчеркивают львовские социологи Н.Черныш и Е.Ровенчак [Черныш, Ровенчак, 2007], нельзя считать свободными от существенных недостатков. Едва ли не самое главное упрощение я усматриваю в попытках рассматривать социальный мир как преимущественно символический по своей сути. Это ведет к недооценке субстантивных измерений социального существования, того “реального” содержания человеческого бытия, которое нередко исчезает в рамках как социокультурного, так и постструктуралистского теоретизирования.

Этот тезис чрезвычайно важен для понимания тех процессов актуализации локальных и региональных идентичностей, которые были и есть в одних местах и в определенных обстоятельствах и не манифестируют себя в других. Адекватно понять это, используя только лишь инструментарий социокультурного анализа, невозможно. Нужно учитывать то, что процесс идентификации всегда содержит исключение, или эксклюзивию. Это подчеркивают авторы, придерживающиеся совершенно разных подходов. Но Ламонт вместе с тем демонстрирует неравнозначность этой эксклюзивии, ее разную силу и последствия в разных культурных и институциональных контекстах. Более того, в отдельных случаях наблюдается наведение мостов и частичное снятие ограждений, отделяющих одни группы и классы от других. Такой аналитический прием существенно отличается от ранее распространенных и стандартных подходов к объяснению межкультурных различий на основе рассмотрения так называемой модальной личности или национального характера. Эти подходы базировались на имплицитном допущении о том, что существует возможность выявления определенных национальных образцов, единых для всех представителей отдельного этноса или нации. Тезис о наличии набора социально-психологических характеристик, которые объединяют всех представителей одного народа и выделяют его среди других, является чрезвычайным упрощением на грани вульгаризации. Имеющиеся культурные репертуары и структурные условия существования предоставляют в распоряжение исследователя более тонкий и адекватный инструментарий, позволяющий объяснять вариации в рамках одной национальности.

В случае региональной идентичности нередко наблюдаются попытки субстанциализировать ее содержание и благодаря этому монополизировать региональный дискурс. В таком сценарии ей отводят легитимирующую роль.

Выводы

Проблема пространства, места, территории как базисных структур формирования индивидуальных и коллективных идентичностей все еще остается на обочине социологических исследований. Больше внимания этому феномену уделяют в социальной психологии, в частности в таком ее отраслевом направлении, как инвайронментальная психология, или психология окружающей среды. Работы нескольких представителей этой отрасли получили широкое признание в западном обществоведении. Отечественным специалистам они известны в меньшей степени.

Рассмотрение нескольких, наиболее известных концепций дает основания для определенных выводов касательно релевантности представленных подходов для изучения тех процессов актуализации территориальных, в том числе региональных идентичностей, с которыми мы соприкасаемся на современном этапе развития нашей страны.

Сам понятийный аппарат находится на стадии формирования и требует дальнейшего совершенствования, особенно что касается отечественной социологии. Наличие различных теоретических подходов позволяет рассматривать процессы формирования и актуализации территориальных идентичностей с разных сторон, создавая многоаспектный и междисциплинарный образ явления. Как демонстрируют эмпирические исследования нескольких авторов, анализ локальных идентичностей можно успешно проводить и в рамках классических концепций, каковыми являются теория идентичности или теория социальной идентичности. Специализированная теория местной идентичности Гарольда Прошанского остается слабо аргументированной и требует более обоснованной эмпирической верификации. Вместе с тем критика этих подходов со стороны различных теоретических школ побуждает к поиску более адекватных, эвристически обнадеживающих концепций, которые, на мой взгляд, могут иметь более инклюзивный характер, основанный на синтезе разных, взаимодополняющих теорий и отраслей социологического мышления. В данном контексте перспективно выглядит сочетание накопленных за долгие годы теоретических моделей в рамках социологически ориентированной социологии культуры, политической социологии и исследований социальной стратификации.

В заключение следует очертить основные направления дальнейших исследований, потенциально весьма плодотворных, способных приблизить социологическую науку к лучшему пониманию механизмов актуализации территориальных идентичностей. Важным новым направлением исследования является изучение формирования идентичности не просто через процессы категоризации и социального сравнения, но и сквозь призму институционализированного неравенства, в частности его культурных измерений. Остается практически неисследованным механизм продуцирования самоопределений как на индивидуальном, так и на коллективном уровне через восприятие господствующей системы неравенства, вопрос о том, как выстраиваются символические границы между разными группами в процессе восприятия ими собственного места в системе социоэкономической и культурной стратификации и места в ней господствующих и подчиненных групп. Почти полностью неизученной остается проблема культурного доминирования, непосредственно влияющего на доступные для различных акторов культурные репертуары, что, в свою очередь, обуславливает создание тех или иных (само)репрезентаций отдельных групп и общностей. Как подчиненные группы сопротивляются доминантному дискурсу, какие ресурсы для этого используют? Какие стандарты оценки мира используют и как это влияет на субъективные границы между группами? Как и почему определенные стандарты становятся господствующими? Следует также сосредоточиться на объяснении того, как система неравенства формирует “Я”, самость, как культурные практики различаются среди различных общностей и какие это имеет последствия для их самоотождествления, как различные группы воспринимают доминирующие в обществе отношения господ-

ства и подчинения, какие модели социокультурных репрезентаций используют разные общности и как на этот процесс влияют мощные силы современного общества, каковыми являются политики и СМИ. Отдельного освещения требует проблема соотношения между территориальными и национальными идентичностями. В рамках рассмотрения процессов идентификации встает вопрос: происходит ли отождествление с местами так же, как и отождествление с группами? Ранние исследования продемонстрировали важную роль, которую играет физическая близость для создания социальной сплоченности и групповой интеграции, которые, со своей стороны, способствуют усилению коллективной идентичности. Выходит, что изучение силы, интенсивности и характера социального взаимодействия на локальном уровне может способствовать выявлению природы и особенностей территориальной идентичности. В общем, ответы на эти и многие другие, не артикулированные в данном тексте вопросы могут пролить свет на важные аспекты слабо изученной проблемы локальных и региональных идентичностей.

Литература

- Андерсон Б.* Уявлені спільноти / Андерсон Б. — К. : Критика, 2001.
- Мід Дж.Г.* Дух, самість і суспільство з точки зору соціального біхевіориста / Мід Дж.Г. — К. : Укр. Центр духов. культури, 2000.
- Черниш Н.* Варіації на тему ідентичності для соціокультурного оркестру / Н. Черниш, О. Ровенчак // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2007. — № 1. — С. 33–49.
- Altman I.* Place attachment / I. Altman, S. Low. — New York : Plenum, 1992.
- Bernardo F.* Place change and identity processes / F. Bernardo, J.M. Palma // Medio Ambiente y Comportamiento Humano. — 2005. — Vol. 6, № 1. — P.71–87.
- Breakwell G.* Coping with threatened identities / Breakwell G. — London : Methuen, 1986.
- Burke P.* The Self: Measurement Requirements from an Interactionist Perspective / P. Burke // Social Psychology Quarterly. — 1980. — Vol. 43. — P. 18–29.
- Burke P.* The Measurement of Role Identity / P. Burke, J. Tully // Social Forces. — 1977. — Vol. 55. — P. 881–897.
- Castells M.* The power of identity: The information age (Economy, society, and culture). Vol. 2. / Castells M. — Malden ; Oxford ; Carlton : Wiley-Blackwell, 2004.
- Eisenstadt S.N.* Modernity and the construction of collective identities / S.N. Eisenstadt // International Journal of Comparative Sociology. — 1998. — Vol. 39, №1. — P.138–158.
- Guiliani M.V.* Theory of attachment and place attachment / Guiliani M.V. // Psychological theories for environmental issues / ed. by M. Bonnes, T. Lee, M. Bonaiuto. — Aldershot, Eng. : Ashgate, 2003. — P. 137–170.
- Hague C.* Planning and place identity / Hague C. // Place Identity, Participation and Planning / ed. by C. Hague, P. Jenkins. — N.Y. : Routledge, 2004. — P. 3–18.
- Hauge A.L.* Identity and Place: A Critical Comparison of Three Identity Theories / Hauge A.L. // Architectural Science Review. — 2007. — Vol. 50, №1. — P. 44–51.
- Lamont M.* Culture and identity / Lamont M. // Handbook of Sociological Theory / ed. by J. Turner. — New York : Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2002. — P. 171–185.
- Massey D.* Space, place, and gender / Massey D. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1994.
- Nasar J.L.* Symbolic meanings of house styles / Nasar J.L. // Environment and behavior. — 1989. — Vol.21, № 3. — P.235–257.

Phillips T. Imagined communities and self-identity: an exploratory quantitative analysis / T. Phillips // *Sociology*. — 2002. — Vol. 36, № 3. — P. 597–617.

Proshansky H. The self and the city / Proshansky H. // *Environment and Behavior*. — 1978. — Vol. 10, №2. — P. 147–169.

Proshansky H. M. The development of place-identity in the child / Proshansky H. M., Fabian A.K. // *Spaces for Children* / ed. by C.S. Weinstein, T.G. David. — New York : Plenum, 1987. — P. 21–40.

Proshansky H. M. Place-identity: Physical world socialization of the self / H.M. Proshansky, A.K. Fabian, R. Kaminoff // *Journal of Environmental Psychology*. — 1983. — № 3. — P. 57–83.

Raagmaa G. Regional identity in regional development and planning / G. Raagmaa // *European Planning Studies*. — 2002. — Vol. 10. — №1 —P. 55–76.

Speller G. A community in transition. The relationship between spatial change and identity processes / Speller G., Lyons E., Twigger-Ross C. // *Social psychological review*. — 2002. — Vol. 4, № 2. — P. 39–58.

Stryker S. Traditional symbolic interactionism, role theory, and structural symbolic interactionism. The road to identity theory / Stryker S. // *Handbook of Sociological Theory* / ed. by J. Turner. — N. Y. : Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2002.

Tuan Y.F. Topophilia: A Study of environmental perception, attitudes, and values / Tuan Y.F. — Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1974.

Tuan Y.F. Space and place: The perspective of experience / Tuan Y.F. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1977.

Twigger-Ross C.L. Identity theories and environmental psychology / Twigger-Ross C.L., Bonaiuto M., Breakwell G. // *Psychological theories for environmental issues* / ed. by M. Bonnes, T. Lee, M. Bonaiuto. — Aldershot, Eng. : Ashgate, 2003. — P. 203–233.